

Сергей Данилович Кузнецов родился в 1946 году в поселке Космынино Костромской области. Окончил Калининский политехнический институт. Более 20 лет работал инженером-наладчиком на предприятиях Урала, Сибири, Дальнего Востока. Автор многих сборников стихотворений и книг прозы: «Аварийная ситуация», «Омулевая бочка», «Где наша не пропадала» и др. Член Союза российских писателей. Лауреат Международной литературной премии им. Ф. Искандера. Живет в Красноярске.

Сергей Кузнецов

КРАТКИЙ КУРС

Рассказ

Отец умер в 1990 году, полгода не дожив до моей первой серьезной книги, а мать дожила, но она не умела читать. Может, и к лучшему. Я не уверен, что им понравились бы мои писания. Когда съехались на похороны матери, порешили, что квартира переходит сестре Лиде. Брат Анатолий взял на память швейную машинку «Зингер», надеясь ее починить и похвастаться в своем конструкторском бюро, старшему (Николаю, который не смог приехать) я отвез две серебряные стопки, им же и подаренные отцу много лет назад. Мне достались орден и книга «Краткий курс истории ВКП(б)» выпуска 1946 года — моя ровесница. Сталин среди авторов не значился, но все знали, что Иосиф Виссарионович принимал в создании учебника деятельное участие. Несмотря на то, что с 1938 по 1956 «Краткий курс» издавался 301 раз в количестве 42 816 000 экземпляров на русском и на 67 других языках, и общий тираж составил более 60 миллионов экземпляров, к нашему времени книга стала библиографической редкостью. Ко мне она пришла уже без матерчатого корешка и первых двадцати шести страниц. Отец курил «Север», так что грешить на самокрутки, полагаю, несправедливо. Была вырвана вся первая глава. История начиналась с образования Российской социал-демок-

рабочей партии и появлению внутри партии фракций большевиков и меньшевиков. Мой отец был большевиком.

Первый раз он вступил в партию в 1933 году, но через пару лет был «вычищен». Если в чистку 1921 года отбирали партбилет и револьвер, отец отделался лишением только партбилета, поскольку к тому времени револьверов у рядовых партийцев не имелось. Работал он механиком по ремонту тракторов. Злоупотреблять властью и брать взятки не было возможности, разлагаться в быту в деревенских условиях (да еще и при болезненном ребенке) не очень удобно, оппозиция формировалась на более высоком уровне — за что же вычистили? Может быть, всплыла судимость моего деда, но скорее всего за лишние разговоры, поговорить он любил всю жизнь, на язык был волен, и шутки его могли быть истолкованы бдительными товарищами по-разному.

Второй раз он вступил в партию на фронте. Фраза «Не вернусь — считайте коммунистом» не случайно стала крылатой. В студенческую пору меня подмывало пошутить, дескать, написал заявление перед боем, но вернулся, и отречься было поздно, пришлось вступать, но черный юмор был уместен лишь в кругу разуверившихся в идеологии ровесников, отцу такого не скажешь. Обида после «чистки», как у любого нормального человека, была. Допускаю, что, подавая заявление в 1933-м, отец хотел не только подстраховаться, но и надеялся на какое-то карьерное продвижение. А когда оказался на передовой, стало не до мелких обид, и партбилет не сулил на фронте никаких благ, кроме обязанностей. Принимали, не копаясь в прошлом, а настоящее было на виду. Воевал он в артиллерии. Занимался тем, чему научился на гражданке, — ремонтировал тягачи. Артиллерия — бог войны, но и там хватало неразберихи. Перед каким-то прорывом оказалось, что на батарее нет топлива. Командир устроил разнос и пригрозил штрафбатом. Отцу деваться некуда, пришлось напрягать смекалку. Завел бензовоз, прихватил пару крепких парней и двинул в глубокий тыл. Канцелярской волокиты хватало и на войне, понимал, что без особого приказа горючки не дадут, выпрашивать бесполезно, только время потеряешь и засветишься. Не тревожа начальство, подъехали сразу к хранилищу, связали часового и заправились. Чтобы не подводить несчастного под трибунал, связали не очень крепко и попросили не болтать лишнего, а недостачу никто не заметит. Даже спирта оставили за моральный ущерб. К прорыву подготовились, от командира получили благодарность.

И силы небесные тоже хранили, не хотели, чтобы трое детишек сиротами росли. Был случай, когда машину тормознул лейтенант. На улице был дождь, и нашему старшине пришлось уступать место офицеру, из теплой кабины перебираться в кузов. Километра не проехали, как в кабину угодил снаряд — лейтенанта наповал, шофер тяжело ранен, а у отца ни царапины. Везучим родился. Дошел до Берлина и вернулся с двумя орденами Красной Звезды.

Война войной, а обед обедом. Детишек-то надо кормить. Пришел на работу, а место механика занято. В утешение сказали, что негоже победителю ходить в промасленной спецовке. Предложили на выбор или начальником отдела кадров, или агентом по снабжению. Кабинетная работа не в характере отца, почерк неразборчивый, и он пошел в снабженцы. Освоился очень быстро. Специальность, которой не научишься ни в одном институте. В ней требуются врожденные качества: обаяние, умение быстро завести знакомство, поддерживать беседу на любую тему, умение, не

обидев, откажать, а если диктует ситуацию, прикинуться простаком. Отсутствие спеси, постоянная готовность выпить, но не пьянеть и гибкий смекалистый ум — все это у него было.

Когда в соседней области начали строить большое торфопредприятие, отца позвали на должность заместителя директора по снабжению. Повлияло ли наличие партбилета на новое назначение? Наверное, повлияло. Но обязанности, права и манеру поведения каждый начальник выбирает себе сам. Случается, и обыкновенный завхоз держит себя важнее директора. Отец остался прежним, да и работа не слишком изменилась — те же постоянные короткие командировки, в которых трудно уложиться в выходные и авансовый отчет получается с большим минусом, а высчитывают его из зарплат. Если он первое время пытался напомнить матушке о карьерном росте, она притормаживала — «перенос порток на другой гвоздок».

Теперь, отмотавшись 20 лет по командировкам, я отлично понимаю отца. Но мне было проще. Во-первых — снабженец приезжает просить, а наладчик — спасать. Во-вторых, в долгой командировке успеваешь обжиться, и на сибирских рудниках жизнь дешевле, чем в городе. Случалось, что и заказчик подкидывал дополнительные приработки, а провинциальному снабженцу за все приходилось расплачиваться самому, в ущерб семье. Непонятно как, но выкручивались, благодаря хозяйственной матушке не голодали, все четверо детей институты закончили.

И вот сижу я, листаю «Краткий курс». Другого наследства (кроме характера) отец не оставил. Мне кажется, что листаю в первый раз. У Евгения Винокурова есть строчки: «Что политически я развит, мне выдал справку детский сад». Отец политграмотой детей не терзал. В детсад нас не водили. Воспитанием моим занимались неграмотная мать, сестра (будущая учительница) и хулиганистый средний брат, но в основном — улица. Оба деда и бабка по матери погибли еще до моего рождения. Мать отца жила с младшими дочерьми в Москве. Попросить сказку на ночь было не у кого, а когда сам научился читать, начал с Гайдара и книжек про войну и шпионов. Отца читающим не помню. Из поэтов он знал только Демьяна Бедного, а мое мальчишеское увлечение Сергеем Есениным не одобрял. Шофер, возивший его по снабженческим делам в Ярославль (а из-за плохих дорог приходилось делать крюк через Москву), рассказывал, что отец, не давая заснуть за рулем, пел ему песни, да такие, которых он отродясь не слыхивал. Репертуар был своеобразный — не петь же «Катюшу» или «Подмосковные вечера». Ему непременно хотелось удивить, чтобы слушателю интересно было, поэтому выплывали старые разбойничьи типа «Открывай, мамаша, двери, я с гуляночки иду, грудь распорота кинжалом, на руке кишки несущу» или про купца Мещерякова, у которого разбойник всю семью перерезал и много денег зашибил. Особенно шоферу понравилась эпмановская баллада про трест обстоятельный, в котором начальник сидел. Заканчивалась она словами: «Ах, вы, девочки, ах, бутончики, я орлом к вам в объятьях лечу, я потрачу на вас публичервончики, но сидеть за бл... не хочу». Понимал, что спеть работяге, чувствовал конъюнктуру. Говорил шоферу, что знает больше 500 песен. Мужик удивлялся памяти начальника, но приходилось верить, потому что голова у Данилы Александровича была шестьдесят первого размера.

Песни — вольница, а политзанятия — дисциплина. По книге заметно, что отец работал с ней не слишком старательно, но следы оставил. Листая, вижу подчеркнутые строки, помеченные скобками абзацы. Помнит-

ся, истерично истории расказывала, что Ленин постоянно делал пометки на полях даже библиотечных книг. За порчу общественной собственности могли бы и наказать. Владимира Ильича не оштрафовали, видимо, в эти книги после него никто не заглядывал, а мода на вредную привычку расползлась по всей стране, и этот, можно сказать, вандализм ставили в пример последующим коммунистам.

Когда события истории дошли до борьбы с Временным правительством и в тексте рядом с Лениным начал появляться Сталин, последнего отец начал было вымарывать, но терпения хватило только на первые упоминания. Когда они участились, зачеркивать ему надоело. Понятно, что правка велась после развенчания культа, хотя желание возникло и раньше. В большой комнате у нас долго висел бумажный плакат с портретом Сталина на фоне библиотеки. Помню, как после партсобрания отец пришел выпивши и сорвал портрет со стены. Сорвал с наслаждением, чем сильно перепугал матушку и удивил меня, десятилетнего.

Особо много подчеркиваний сделано в главах о НЭПе и ликвидации кулачества. В те времена пострадали оба моих деда: одного посадили, второго раскулачили. Сам отец успел вовремя уехать. Первое время мотался по мелким МТС, потом устроился на торфоразработки в поселке Космынино под Костромой. Но связывать личные обиды и подготовку к политзанятиям, мне кажется, не совсем честно. Битые и пуганые на партсобраниях не слишком откровенничали.

Из главы о Чрезвычайном съезде Советов, на котором была принята Конституция, он вырвал три листка. Подчеркивания запоминал, а при обширной теме без шпаргалки не обойтись, поэтому аккуратно вырывал, складывал пополам и совал в карман пиджака. После занятий страницы распрямлялись и вставлялись строго на свои места до следующего сезона. По такому же принципу вырывались листки, где повествовалось о борьбе с оппозицией Бухарина, Зиновьева и Рыкова, об «извергах из бухаринско-троцкистской банды». Места о подъеме промышленности и сельского хозяйства остались без пометок: штудировать их не было нужды, о наших достижениях постоянно вещало радио.

После института я отправился в Сибирь. Отца проводили на пенсию. В те годы (не считая кремлевских товарищей) мелкому начальству не давали засиживаться. После шестидесяти разрешали отработать два месяца с сохранением зарплаты, а дальше — полная свобода. Для них... и от них.

В отпуск я приезжал только летом, в сезон, когда партийные собрания не проводились, и отца ничего не отвлекало от домашнего хозяйства. Мы всегда держали корову. Заготовка сена для поселковых жителей была до предела усложнена, потому что сразу за поселком начинались колхозные земли. Для получения законного права на покос требовали, если не ошибаюсь, вытеребить гектар льна. Бесхозная трава оставалась только «вдоль насыпи, на рву некошеном», как писал Блок, но по другому поводу. Если заберешься в перелесок, это считалось уже воровством. Случалось, отец «ошибался» на метр-другой, но скошенную траву надо было срочно вывозить. У нас была двухколесная довольно-таки вместительная тележка. Ее привезли из Космынина в пульмановском вагоне вместе с остальным скарбом. Забрали на новое место и кошку, но на какой-то из остановок она сбежала. Мне было шесть лет и, по словам сестры, я устроил истерику, требовал, чтобы отцепили вагон и дождались возвращения

Мурки. Старшекласником я стеснялся возить тележку с травой на глазах у всего поселка, а в отпусках, уже взрослым бородатым мужиком, впрягался в нее и чуть ли не с гордостью тащил к своему двору, здороваясь со знакомыми. Отец шел сзади, подталкивая тележку на выбоинах. Не скажу, что я работал с удовольствием, но надо было помогать старикам, для меня это всегда само собой разумелось. За походы на рыбалку и по грибы меня не упрекали, тем более что возвращался не с пустыми руками. Зная мои анархистские настроения, Лида просила не заводить политические разговоры с отцом, чтобы не дразнить пожилого человека. Он был азартным, расстраивался, даже когда проигрывал внуку в подкидного, спорил, требовал реванша и успокаивался только после своей победы.

В 1973 году он нагрянул к нам в Красноярск. Уехал из дома после очередной ссоры с матушкой. Ругались они часто, но беззлобно. Видимо, Анна Евстратьевна наступила на одну из больных мозолей, мало ли их натаптывается за полвека совместной жизни. Подхватил портфель и ушел на вокзал. Телеграмму догадался отправить уже из Новосибирска, когда ехать оставалось совсем чуть-чуть. Но послал ее на старый адрес Николая. Брат, чтобы не расстраивать родителей, не сообщил им, что развелся и живет в другой квартире. Отцу повезло, что старший сын заехал вечером к бывшей жене передать деньги и ему показали телеграмму. Поезд приходил утром. Чтобы предупредить меня, пришлось брату садиться в такси и ехать через весь город в Зеленую Рощу. А мне в этот вечер приспичило сходить в кино. Вернулся поздно и увидел записку. Во внезапный визит отца я не поверил: надвигалась Пасха, и я решил, что братцу захотелось выпить, авось и хорошей рыбки к столу привезу. Телефонов ни у меня, ни у него не было — ни уточнить, ни объяснить. Надо мной висело приглашение на именины к близким друзьям, которых не хотелось обижать, и я решил, что брат простит. Ну не верил я в приезд отца! Как он мог отправиться в дальнюю дорогу, не предупредив? Знал же, что я постоянно мотаюсь по командировкам, да и у брата случались поездки. Очень рисковал. Удивительное легкомыслие для опытного снабженца. Но легкомыслие растет из постоянного везения, а ему всегда везло. Могли бы посадить вслед за дедом и дядькой, могли бы убить на войне, но не посадили и не убили. Пробыв четыре года на передовой, вернулся без единого ранения.

Не верил в приезд, но в душе что-то зудело. Поздравили именинницу, посидели для приличия и пошли с женой ловить такси. Заявляемся к брату и видим Данилу Александровича — оба уже веселенькие. Николай успел свозить его на экскурсию по городу — показал Енисей, стадион на острове и памятник Ленину ценой в пятиэтажный дом. Брат после пятой рюмки любил петь романсы из репертуара Лемешева, и у него неплохо получалось, особенно «Ах ты, душечка, красна девица». Отец, чтобы показать перед снохами неувядающую удаль, притормозил Николая и выдал пару разбойничьих песен. Про трест основательный петь не стал, чтобы не позорить сыновей. Потом попросил наших жен выйти на кухню, оставить нас для мужского разговора. Налил всем по рюмке и выдал: «Ребята, беда у меня, только женам не говорите: бабка уже полтора года не дает. Вы же взрослые мужики, должны меня понять, найдите мне справную вдовушку на пару дней». С минуту мы молчали, усваивали суть просьбы, потом разразились хохотом: «Ну, батя, орел! Нам бы в твоём возрасте такие заботы!»

На другой день о деликатной просьбе он не напомнил и заявил, что

пора домой. На поездке он мог доехать бесплатно, но попросил взять билет на самолет — ни разу в жизни не летал, захотелось посмотреть на землю сквозь облака. Моя жена завернула в подарок для матушки теплый халат, а сам он набрал бутылку водопроводной воды — похвастаться, какую воду пьют сыновья в Красноярске.

Последний раз мы виделись в 1989 году. Отец попросил сходить в лес и нарезать ивовых прутьев. Он умел плести корзинки. Получались не очень изящные, но прочные. Заказчики приходили сами, поскольку другого мастера в округе не было. Хвастался, что какая-то дамочка из Питера заказала ему лапти, ради них липу в огороде спилил, бабка на нее давно ворчала, жаловалась, что грядку затеняет, а у него вроде как руки не доходили, стеснялся признаться, что дерево жалеет. Поспешил бы — и без лыка б остался, а тут и бабке угодил, и знатные лапоточки получились, бутылку коньяка принесли. Корзинки он отдавал за бесценок. Много ему не надо, но без заначки жить тяжело. Пенсию забирала бабка, а просить у нее на бутылку характер не позволял. Он и в 80 лет всегда был не прочь выпить, не много — для настроения. Но наступили времена Горбачева и Лигачева. Водкой в поселковых магазинах не торговали, приходилось брать у цыган, которые из любых глупостей правительства умели извлечь свою выгоду. Такая политика новых ревизионистов отцу не нравилась.

Хорошо помню наш последний вечер. Перед поездом он намекнул, что по закону положено выпить «на посошок». У нас оставалось чуть меньше полбутылки дорогой «цыганской» водки. Отец отодвинул стопки и разлил по чайным чашкам. Себе — немного, а мне — чуть ли не полную. Я не успел возразить, а он хватанул без лишних разговоров. Потом позвал матушку с кухни и потребовал: «Ну что, бабка, волоки — знаю же, что Лидка с Иваном привезли из Рыбинска, надо же сына в Сибирь проводить по-человечески». Матушка помялась, но принесла. Я попытался притормозить — стоит ли открывать, но отец был настроен решительно, однако плеснул едва прикрыв доньшки чашек и закрутил пробку. Я не сразу и разгадал его маневр. Старый снабженец понимал, что из початой бутылки проще получить «рюмку для аппетита», нежели из запечатанной.

На похороны я опоздал. Телеграмму принесли в пятницу, когда я сплавлился с друзьями по горной речке. Вернулся в воскресенье вечером, сразу же поехал в аэропорт, но пока добирался от Москвы до родного дома, потерял целый день. Сестра не без гордости рассказала, что проводить отца пришел весь поселок, чуть ли не митинг собрался, и самые проникновенные слова о нем говорил парторг. Неудивительно — они умеют складно излагать.

Матери досталась пятилетка вдовства. Прошли долгую ухабистую дорогу и воспитали четверых детей два совершенно разных человека. Он общительный, она замкнутая; он безалаберный, она ответственная; он неряшливый, она аккуратная.

Мать была неграмотной, но очень умной женщиной, знающей себе цену. Говорила, что если бы понимала «А» да «Б», сидела бы в Кремле на месте Фурцевой. Работала она только во время войны, но и там сумела выбиться в ударницы, несмотря на то, что в бараке ждали трое детишек. Остальную жизнь трудилась домохозяйкой и была абсолютно уверена, что дом держится только на ней. Разубеждать ее отец не пытался. В обширном запасе его поговорок одно из первых мест занимала: «Свинью не перебздишь, бабу не переспоришь». В кино была всего лишь раз. Попала на воен-

ный фильм, где много стрельяют и снаряды врвутся. Еле досидела — «больше не пойду такую ужасть за свои деньги терпеть». Мы жили в двухквартирном доме с огородом и даже с картофельным полем на три сотки. Пока держали корову, мать отлучалась со двора на дневную дойку, а когда «кормилицу» продали, выбираться за ограду перестала совсем. В гости она ни к кому не ходила, хотя наш дом был всегда открыт. Мои одноклассники, оказавшись в поселке, заглядывали расспросить, как я поживаю в своей Сибири, а заодно и распить бутылку, твердо уверенные, что тетя Нюра не оставит без закуски. Шляться по гостям ей гордость не велела, но говорила, что не хватает времени. Вести хозяйство — занятие хлопотное, особенно если хочешь, чтобы у тебя было лучше, чем у других. Рядом с нашим огородом были не отделенные забором грядки завуча школы. Мать при случае обязательно показывала на них: «Вон, Карпенка институт закончила, а на капусту смотреть больно: кочаны с кулачок. А я пенек пеньком, зато полюбуйся на мои кочанищи да потрогай, какие крепкие».

Когда у Лиды появилась дача, она привезла букет фиолетовых гладиолусов. Матери цветы очень понравились. В первый раз увидела. В поселке такую красоту никто не выращивал. Полдня над букетом ахала и потребовала привезти ей луковицы для развода. Посадила, а к осени выросли чахленькие стебельки на два-три бутона. «Пожалела Лидка-то путные цветы. У нее вон какие барыни, а мне что дала — стыд и страм». Не подумала, что у Лиды они растут перед домом на солнечном месте, а у нее в затененном углу, забитом смородиной. Лучшая земля по многолетней привычке оставлялась под свеклу с морковью и прочие полезные овощи. А цветы — баловство. Но уж очень красивые (и в поселке ни у кого таких нет).

Из командировок отец всегда привозил гостинцы. Разнообразием он не заморачивался — круг московской колбасы, пара копченых селедок (мужского пола, потому что они жирнее) и какие-нибудь заморские или южные фрукты. Один раз привез бананы, специально для матери, которая маялась с зубами. Матушка долго боялась к ним притронуться, потом увидела, что они пожелтели, посчитала, что они пропали и скормила поросенку.

После смерти отца ей пришлось-таки выбираться за границу своих угодий, и она впервые за долгие годы столкнулась с внешним миром. Столкнулась — и растерялась. По стечению обстоятельств ее выход в люди совпал со смутным временем и денежной реформой. Первый самостоятельный поход в магазин закончился скандалом. То ли ее обсчитали, то ли сама запуталась — понять трудно. Начала выяснять отношения, а кончилось тем, что ее же и пристыдили. Вернулась домой и неожиданно для себя поняла, от каких неведомых сложностей избавлял ее непутевый Данила и его авторитет. Дождавшись Лиду из Рыбинска, велела приезжать каждую неделю (а это два с половиной часа в один конец) и закупать продукты. На огороде «копошилась» сама, не давая земле пустовать. По весне находила какого-нибудь шофера, не забывшего работу с Данилой Александровичем, и заказывала навоз, чтобы не сажать абы как, «поколхозному». Последние два года мне приходилось ездить из Красноярска копать картошку. С трех соток набирал по 200 ведер. Трудился не только за совесть, но и за страх, зная, что после меня матушка обязательно придет с вилами проверить. Вечерами за ужином рассуждала, что если Бог даст, на следующий год обязательно заведет поросеночка. Не хотела расставаться со своими угодьями, будто надеялась жить вечно.

О Боге всуе не вспоминала, но верила и тайне от партийного мужа крестила всех четверых детей. Я не слышал, чтобы она молилась. Вера была не показушная, а глубоко спрятанная в душе. В доме было заведено варить студень на праздники. Приближалось Первое мая. Мать позвала меня на кухню и попросила попробовать бульон «на соль». Мне было лет шестнадцать, и я, как всегда, торопился по «очень важным делам». Сказал, чтобы пробовала сама. Студень получился несоленым. И только потом я понял, что советский праздник наложился на Великий Пост и матушка побоялась попробовать скоромное.

В последнюю осень, едва закончив с картошкой, я собрался по грибы, но получил новый заказ. Дорожка от крыльца до калитки была выстелена деревянными мостками, доски на которых постоянно гнили. Матушка увидела у кого-то тротуар из асфальтовых плиток, и ей захотелось такой же. Где раздобыть эти плитки, ее не волновало. Она привыкла считать, что женское дело — поставить перед мужиком задачу, а как он будет выкручиваться — это его забота. Отец бы, конечно, все организовал: и плитку бы привезли, и гравий, и песок для подсыпки, а я уже четверть века с лишним жил в Сибири. Меня успели забыть, одноклассники тоже разъехались, да и предприятие было на грани перестроечного развала. Пришлось ходить, знакомиться, упрашивать, угощать... Я даже повесть об этой осени хотел написать, но так и не собрался.

Не знаю, сколько раз успела пройти матушка по этому тротуару. Может, десять, может — двадцать? Через месяц Лида все-таки уговорила ее уехать в Рыбинск, хотя бы до весны. А в середине января матушки не стало. На похороны пришло человек пять. Впрочем, похороны стариков редко бывают многлюдными. Было очень холодно. Нанятые сестрой мужики торопились закопать могилу, чтобы земля не замерзла.

На девятый день сели помянуть божью рабу Анну Евстратьевну. Великая трезвенница Лида выставила бутылку «Пшеничной», спрятанную от братьев на похоронах отца, и мы, уже успевшие привыкнуть к суррогатам, сразу почувствовали, что советская водка была и качественнее, и крепче.

